

На Баварской земле в городе Дахау в минувшую пятницу закрылась совместная выставка двух художниц — хабаровчанки Ирины Оркиной и немки Моники Сибманнс. Своим названием «Далекое-близкое» этот вернисаж обязан единственной представленной для обозрения работе фрау Сибманнс.

«Далекое-близкое» Ирины Оркиной и Моники Сибманнс

В центре зала городской галереи, прямо на полу, разбросаны разноцветные пирамиды из обожженной глины, между ними изображены реки, горы, равнины, символизирующие расстояние между Дахау и Хабаровском. Пирамиды, знаки запечатанной мудрости, тайны, вечности, олицетворяют связь людей с космосом. По краям стены, их венчают петроглифы итальянский и сибирский. Эта инсталляция Моники Сибманнс предваряла эксклюзивно гости из России. Ирина Оркина выставила 11 работ из керамики и 30 листов графики.

Два человека, говорящие на разных языках, прежде не знакомые и просто не подозревавшие о существовании друг друга, которых к тому же разделяли десять тысяч километров, в творчестве оказались единомышленниками. Моника в Интернете нашла сайт Оркиной, посмотрела ее работы и удивилась. Да разве возможно такое, чтобы другой художник на другом конце света мыслит так же, как она, теми же категориями, пользовался теми же образительными приемами и символами, мучился бы одинаковыми с ней философскими исканиями в искусстве, работал бы в той же технике? Слишком много совпадений... Так Ирина Оркина оказалась в Германии.

Вообще-то, по понятиям немцев, вся российская культура сосредоточена не дальше Москвы и Питера, за Уралом для них сплошное белое пятно. Дальний Восток — это только Китай и Япония. А такая тмугаракань, как Хабаровск, не что иное, как новая географическая истина, равная открытию Америки.

Может, поэтому выставка Оркиной для небольшого городка Дахау, он примерно как Хабаровск, стала событием. Все газеты, а их около десятка, не пропустили этот знаменательный факт. «Новости Дахау» осветили выставку цветными фотографиями. Снимок декоративной композиции «Весна» украсил не одну газетную полосу. Две женщины подставили носы ласковому солнышку, любуются то ли синевой неба, то ли возвращением на родину птиц.

Был даже репортаж из мастерской Моники. Как русская фрау из бесформенного куска глины лепит на гончарном круге, как ставит в печь просушенное изделие, как извлекает из нее еще теплые работы. Ирине впервые пришлось освоить металлокерамику, популярную на западе, а для наших художников это дорогое удовольствие. В мастерской Моники установлена автоматизированная печь для обжига, что не только хабаровским ваятелям, но даже местному заводу керамики и во сне не снилась. Все для Оркиной в первый раз, а права на ошибку не было.

Творческий процесс изначально интимен, художники терпеть не могут, когда им заглядывают через плечо, это губит вдохновение на корню. Под любопытными взорами вездесущих папарацци Ирина изваяла несколько композиций для выставки. Хотя в ее мастерской пылятся десятки глиняных изделий, которые не стыдно показать немцам, но перевозка хрупкой керамики требует и нежного обращения, и немалых таможенных затрат. Понятно, почему Ирина так заметно постройнела после возвращения из Германии. Причина этого не в салатах из одуванчиков, любимых немцами, а в пережитых волнениях.

Абстрактная, зашифрованная в символах графика Оркиной в технике восковой и масляной пастели иностранцам понравилась. Отзвуки в печати были восторженные. Причем мнения дилетантов и знатоков совпали. Искусствоведы даже усмотрели в выразительной манере графического письма Оркиной влияние испанца Пабло Пикассо, как известно, автор «Герники» и «Голубя мира» тоже увлекался и графикой, и керамикой.

В прессе отмечали высокий уровень работ Оркиной, соответствующий европейским оценкам. Хотя Европа стара, как мир, и давно пришла пора судить об искусстве не по западным или восточным меркам, а по общечеловеческим. Когда европейское искусство зашло в тупик, оно обратилось к Востоку. Например, Максимилиан Волошин, один из самых одаренных критиков своего времени, еще на заре XX века утверждал, что

французских импрессионистов породила «бледная радуга японских акварелей». Юный Клод Моне купил в лавке кусок сыру, завернутого в рисунок, который по счастливой случайности оказался первой японской гравюрой, и испытал потрясение. Его восхищенный возглас «черт побери!» считается часом рождения воздушной и трепетной живописи. Все новое и свежее уже тогда шло с Востока, но мы зачем-то и в третьем тысячелетии безропотно принимаем эталоны старушки Европы.

У Ирины Оркиной это не первая заграничная выставка. Ее керамику и пастель оценили японцы, потом был город Манхайм на севере Германии. И везде у художницы возникали проблемы с переводом названий работ. Ирина пишет и стихи, и прозу, поэтому для нее естественны возвышенно-поэтические пояснения к своей графике. Конечно, никакой электронный переводчик не способен перевести такие словесные изыски на чужой язык, для этого нужен как минимум поэт. Вот и в Дахау изящную подпись просто заменили одним словом или двумя. От названия «Прислушиваюсь к телу твоему» остались «Мать и дитя», «Ощутившие безмолвную прозрачность» оказались «Свободными женщинами», «Моя судьба, кокетливая дама, несет меня бог весть куда» вылилось в «Фортуну», а метафора «На фоне бархатной ночи прямоугольный жар желаний» превратилась в тусклое «Единение». А ведь не всякий художник может быть еще и литератором и умеет передать словами образительную мысль, как это делает Ирина Оркина. Свои философские работы она объясняет вдохновенно, завораживающе, как Шахерезада рассказывала сказки. Только «Поцелуй ангела» перевели адекватно.

Верно замечено, что художники — глаза человечества. Они видят то, чему простые смертные в суете сует не придадут никакого значения. Моника Сибманнс изобразила сибирский петроглиф, даже не догадываясь, что под Хабаровском есть эти таинственные письмена. Как это назвать, если не ху-

доженственным провидением? Кстати, она была поражена, когда Ирина рассказала ей о священных камнях Сикачи-Аляна. Моника захотела увидеть писаницы. Для иностранцев это не проблема. Художники из Дахау недавно съездили на пленэр в Бразилию, путешествие оплачивала мэрия. В этом немецком городе одних частных галерей около ста. Видимо, там культура — любимое чадо, а не как у нас — казанская сирота. Даже сумасбродные, на наш взгляд, идеи находят поддержку у государства, какими бы фантастическими они ни казались.

Бургомистр Дахау купил для своей коллекции работу Оркиной. Традиционно после каждой выставки он приобретает произведения художников, хотя авторские работы за границей стоят недешево. На них есть спрос, любая уважающая себя фирма не станет украшать офис сувенирным ширпотребом, сделанным ремесленниками. Ведь в нем нет ни тепла, ни души, ни идеи. Ценится только эксклюзив, даже если он принадлежит кисти начинающего живописца. Поговорка, что хороший художник не тот, кто создает произведения искусства, а тот, кто умеет их продать, актуальна лишь для нашей страны.

Большую помощь людям искусства оказывают различные банки. Эти финансовые учреждения издают на свои деньги проспекты для вернисажей, а заодно размещают в них рекламу. Ирина привезла большой роскошный буклет, выпущенный банком Дахау, куда вошли и заметки немецких журналистов.

Осенью в Хабаровске в рамках дней немецко-российской культуры ожидается визит бургомистра, управляющего культурой, президента крупной строительной фирмы, Моники Сибманнс и еще двух художников из Дахау. В Дальневосточном художественном музее откроется совместная выставка Моники и Ирины. Как она будет называться, пока неизвестно. Но очевидно, что далекое с близким поменяются местами. А на следующий год Оркину ждут в Вене.

Людмила КЛИПЕЛЬ.

